

УДК 94:378(574.21)

**“ПРИВЕСТИ В ПОРЯДОК АРХИВ ПЕДУЧИЛИЩА”.
КУСТАНАЙСКОЕ РУССКОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ
КАЗАХСКОЙ ССР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Д.М. Легкий

Освещается деятельность Кустанайского русского педагогического училища накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.).

Ключевые слова: Великая Отечественная война; история педагогики; Казахская ССР; педагогическое училище; учитель; школа.

**“TO PUT IN ORDER ARCHIVE OF THE COLLEGE”. KUSTANAY RUSSIAN
PEDAGOGICAL SCHOOL OF THE KAZAKH SSR ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

D.M. Legkiy

The article analyzes the activities of Russian Kustanai pedagogical College on the eve of the great Patriotic war (1938–1941).

Keywords: The Great Patriotic War; the history of pedagogy; Kazakh SSR; teacher training college; teacher; school.

В год 75-летия начала Великой Отечественной войны невозможно не вспомнить знаменитую фразу – “Великую Отечественную войну выиграл сельский учитель”. Заметим, – советский сельский учитель, которого готовили в созданных перед войной педагогических училищах, учительских институтах по всему Советскому Союзу, “от Москвы, до самых, до окраин”. В связи с этим, роль учителя, вся довоенная система народного образования, когда было возвращено поколение Победителей, должна быть подвергнута тщательному анализу.

Как ни парадоксально, но вопросу о создании и становлении русского педучилища накануне и в годы Великой Отечественной войны исследователи уделяют буквально два-три предложения. В краеведческой литературе лаконично отмечается, что “во второй половине 1930-х гг.”, до создания учительского института, подготовка педагогических кадров в Кустанайской области осуществлялась в казахском и русском педагогических училищах [1, с. 9]. Историки установили, что в Кустанае действовал “педагогический техникум, открытый 1 октября 1923 г.” [2, с. 381].

В довоенный период в порядок приводились не только все учебные и хозяйственные дела, но

и вся документация, которая регулярно сдавалась по описи в областной архив. Приказ № 646 по Кустанайскому русскому педучилищу от 15 декабря 1937 г. гласил: “Привести в порядок архив педучилища: подшить дела, пронумеровать их, составить опись дел по годам и организовать надлежащее хранение их”. Благодаря этому исследователи имеют возможность восстановить историю Кустанайского русского педтехникума, ставшего 3 мая 1937 г. педагогическим училищем. Обратим внимание на некоторые наиболее важные архивные документы (“Книга приказов Кустанайского педучилища” и др.), послужившие основой данной публикации [3].

Преподавательский состав в предвоенный период периодически обновлялся по разным причинам, и все в обязательном порядке заполняли анкеты, содержащие 17 пунктов: “1. Название, тип школы. 2. Фамилия, имя, отчество. 3. Год рождения. 4. Место рождения. 5. Занимаемая должность. 6. Образование. 7. Семейное положение. 8. Соц. происхождение. 9. Последнее место работы. 10. Служба в армии. 11. Партийность. 12. Судимость. 13. Лишался ли права голосовать. 14. Был ли за границей. 15. Кто имеется из родственников, их адреса. 16. Национальность. 17. Трудовая деятельность”

[4]. Казалось бы, это просто сухие анкетные данные, но они дают возможность оценить многие черты в облике советского учителя. Приведем для примера анкету одного из руководителей училища.

“Анкета. 1. Кустанайский русский педтехникум. 2. Пономарев Иван Васильевич. 3. 1909. 4. Белорус. ССР, с. Славное. 5. Зав. учебной частью. 6. Педвуз им. Герцена в Ленинграде. 7. Женат. 8. К-Н. 9. Лен-д, институт Герцена. 10. Военно-обязан. Командир запаса. 11. Чл. ВЛКСМ с 1925 г. 12. Нет. 13. Нет. 14. Нет. 15. Жена в Л-де. 16. Белорус. 17. Учитель с 09. 1928 г. нач. школы с 1930 г., с сент. 1936 г. педтехникум”.

Таким же образом отвечали на вопросы анкеты и рядовые преподаватели. Основой коллектива были опытные преподаватели [5, л. 201–253].

Летом 1938 г. состоялся очередной выпуск “курсантов” (так называли в тот период учащихся), обучавшихся в училищах города Кустаная. Областная газета на казахском языке “Большевиктүк жол” 2 июля 1938 г. сообщала: “Казпедучилище закончили 36 человек и 2-х годовичные курсы при нем – 26 человек, Русское педучилище закончили 48 человек и 2-х годовичные курсы при нем соответственно 19 человек” [1, с. 9]. Среди них аттестат получил Ковальский Петр Афанасьевич (см. приложение 1).

В декабре 1938 г. в приказах и поощряли (“§ 2. За хорошую успеваемость сохраняю повышенную стипендию учащимся 2 кл.”), и тут же принимали меры дисциплинарного воздействия, в том числе “наказывали рублем” (“§ 3. За плохую успеваемость в 1 четверти снимаю стипендию учащимся 1 класса”). Правда, к крайним мерам прибегали редко, больше старались воздействовать морально-психологическими мерами. Так, приказ № 54 по Кустанайскому Русскому педучилищу от 23 ноября 1938 г. строго указывал: “За курение в школьном помещении объявляю выговор ученикам 3 кл. “В” /.../, 2 кл. “А” /.../ ставлю на вид” [6].

Ввиду все более обострявшейся ситуации в Европе, с 1939 г. регулярной стала военная переподготовка учителей, о чем свидетельствует приказ № 46 по Кустанайскому русскому педучилищу от 21 апреля 1939 г. о временном замещении “завед. училищем и преподавателя литературы педучилища Лосевского И.П., а также зав. учебн. частью одногодичных курсов и преподавателя естествознания Логашкина И.Е.” [4].

В самом педучилище систематически продолжали выходить приказы по укреплению дисциплины. Привычной стала формулировка, как, например, в приказе № 9 от 24 января 1939 г. – “За систематические нарушения школьной дисциплины,

дезорганизацию учебной работы и отрицательное влияние своим антиобщественным поведением на учащихся /.../ исключить из педучилища”. В апреле 1939 г. применяют более мягкое наказание: “/.../ уехала домой и пропустила два учебных дня. Приказываю: за нарушение государственной дисциплины объявить /.../ строгий выговор и удержать из стипендии за пропущенные дни” [3].

Одновременно старались поощрять лучших учащихся, в том числе общественных активистов. Этим занимался Педсовет Кустанайского педучилища. Так, на заседании 21 июня 1939 г. (протокол № 11) записали: “Слушали: о премировании учащегося – сообщение пред. профкома Скиданенко. О посылке лучших учащихся в Уральский пединститут. Послать Сапко и Супруненко, а также, если представится возможность, Лавриненко” [3]. В графе анкеты “национальность” у многих учащихся было записано – “украинец”.

В предвоенные годы интересы обороны страны превалировали над другими, что отразилось и на судьбе русского педучилища. Так, на заседании “президиума Кустанайского Горисполкома об использовании зданий церкви и мечети” 3 июля 1939 г. решали вопрос о выделении здания для Дома обороны. Прочитываем: “1. Помещение бывшей церкви, находящееся в Красном Пахаре, ныне занимаемое под общежитие русского педучилища, передать Горсовету Осовиахима (Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству. – Д.Л.) под Дом обороны. 2. Помещение бывшей церкви, находящееся на кладбище, передать русскому педучилищу под общежитие с переносом на другой земельный участок. 3. Здание бывшей мечети, находящееся в пос. Наримановка, передать в распоряжение кинотреста под кинотеатр [7, с. 284].

С этого момента началось великое противостояние, причем, разбирательство проводилось на самом высоком уровне. Свидетельством этому является подлинник письма директора педучилища Московкина Ивана Ивановича от 20 августа 1939 г. “Секретарю Кустанайскому обкома КП(б) К. Орудовавшие в Кустанае враги народа, начиная с 1935 года, перебрасывали русское педучилище из одного помещения в другое несколько раз и, наконец, вселили в помещение бывшего детдома, предоставив под общежитие старый двухэтажный домик и бывшую гарнизонную церковку, – говорилось в нем. – Несмотря на все пережитые трудности, только в этом году выпущено 120 человек. В связи со слиянием двух педучилищ (Федоровского из района и Кустанайского из областного центра. – Д.Л.) контингент учащихся на 1939/40

учебный год установлен в 930 чел. Я работаю 35 лет, но такого насилия и издевательства над учебным заведением до сих пор не видел. Приходит “унтер пришибеев” в лице руководства Осоавиахима Шашкова с командой, грубо выталкивают моих работниц, на глазах работников и преподавателей педучилища выбрасывают на улицу ученические койки, столы и тумбочки, ставят вооруженного патруля, точно на фронте. У меня в распоряжении 3–4 дня, так как 16 августа начинаются испытания. Ремонт сорван, помещений для размещения учащихся нет. Прошу оказать помощь. Директор педучилища Московкин. Чл. КП(б)К с 1920 г.” [3].

В 1940 г. директор педучилища был снят со своей должности. Приняв дела, новоиспеченный директор, не отказываясь от права на возвращение прежнего здания, принялся за строительство нового общежития для своих учащихся. В конечном итоге, в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 11 декабря 1940 г. “Об использовании школьных зданий не по назначению”, 1-й секретарь Кустанайского Обкома КП(б)К Н. Журин и председатель исполкома Облсовета Д. Керимбаев сообщали республиканским властям (“Алма-Ата, ЦК КП(б) Казахстана тов. Сажину, председателю СНК КСССР тов. Ундасынову), что “возвращены органам народного образования – 5 зданий”, в том числе “здание, занимаемое Осоавиахимом в г. Кустанае, возвращено русскому педагогическому училищу” [5].

Реакция властей на все потуги нового директора Кустанайского педучилища оказалась характерной для того времени – для решения проблемы направляется внушительная госкомиссия. В результате чего в начале нового 1940–1941 учебного года о работе русского педучилища комиссией составляется красноречивый документ того времени с весьма лаконичным заголовком – “Акт 13–14 октября 1940 г.”.

Этот документ позволяет выявить все основные направления деятельности училища, когда отмечались вовсе не достижения, а вскрывались все недостатки, вплоть до мелких нарушений. “*Организация работы и начало занятий*” – так традиционно начинался анализ. “Учебный год начался своевременно, т. е. с 1 сентября. – Члены комиссии вникали во все проблемы. – Отбор учащихся в пером классе был сделан сравнительно неплохой, хотя все же общее развитие поступающих, а также знание русского языка низкое. Преподавательским составом училище с начала учебного года укомплектовано, хотя с большими трудностями. Все преподаватели имеют 6-часовую перегрузку”.

Большой интерес представляет анализ учебно-методической работы, о чем свидетельствует следующий пункт – “*Учебно-воспитательная работа*”. “В учебной части имеются календарные полугодовые учебные планы, за исключением по предмету географии, – так начинался здесь подробный анализ. – У всех преподавателей имеются конкретные поурочные планы, которые составляются на основе календарных”. Воспитательная работа оказалась в одном разделе с учебной, но это лишь демонстрировало нераздельность общего воспитательного процесса. “Стенгазета в училище не выпускается, – говорилось в Акте. – Социалистическое соревнование только что начинает развертываться. Медосмотра среди уч-ся до настоящего времени не было. Среди учащихся есть заболевания чесоткой”.

Тщательно осмотру подвергалось и хозяйственное состояние училища, что отражалось в разделе “*Материальная база*”. “Педучилище собственного учебного корпуса не имеет, – отмечали члены комиссии. – В настоящее время занятия проводятся в помещении учительского института / быв. здание Каз. педучилища/. С начала учебного года занятия всех 10-ти классов проводились во вторую смену с 2 час”.

Завершался пространный документ разделом “*Культурно-массовая работа. Политическое воспитание учащихся*”. В нем сообщалось, что “культурно-массовая работа и политическое воспитание учащихся находятся на низком уровне. В училище организованы кружки: хоровой, драматический, физкультурный, прикреплены руководители, но регулярной плановой работы кружков нет. Оборонная работа по подготовке ВС-1 – и ст. ПВХО (противовоздушная и противохимическая оборона. – Д.Л.) по настоящему не развернуто среди уч-ся, организован кружок по изучению истории ВКП(б), в котором 61 уч-ся, из них комсомольцев – 32” [3].

“Список преподавателей Кустанайского русского педучилища и двухгодичных педагогических курсов. Конец 1940 – нач. 1941 гг.” дает нам возможность проследить значительную смену преподавательского состава в течение года, когда фамилии уволенных зачеркивались, а новые уже вписывались просто рукой. Кадровой чехарды здесь не было, так как многие ведущие преподаватели были переведены в Кустанайский учительский институт, действующий с 1 сентября 1939 г. (где начало учебного процесса затянулось на два месяца). Основной состав переходил из года в год, но постоянно происходило и пополнение молодыми выпускниками ведущих вузов страны.

В начале 1941 г. во всех учебных заведениях города Кустаная работа проходила с военизированным уклоном, ведь в Европе полыхала Вторая мировая война. В проведении военной подготовки руководствовались указанием наркома просвещения КазССР Тулегена Тажибаева. Видный специалист по истории педагогики в предвоенный период давал наставления и разъяснения по военно-патриотическому воспитанию молодежи. “Всем педучилищам. В дополнение к инструкциям о проведении выпускных испытаний в педучилищах 1941 г. сообщаем, что во всех трех классах устанавливаются испытания по допризывной военной подготовке. Испытания проводятся во всех классах по следующим разделам программы: Красная армия Военно-Морской флот, краткие сведения об организации Красной армии и уставах РККА; военная топография; ПВХО и военно-санитарное дело” [3].

22 июня грянула Великая Отечественная война и через два дня появился “Акт от 24 июня 1941 г.”, судя по которому в педучилище был назначен новый директор. Ольга Лаврентьевна Белинская в первые дни начала Великой Отечественной войны ставшая директором Кустанайского русского педагогического училища, через год была назначена директором Кустанайского учительского института [8, с. 70–94]. В период Большого террора она с конца 1936 г. до начала 1938 г. была лишена права заниматься педагогической деятельностью. В своей автобиографии она указала, что “в октябре 1936 г. Кустанайский обком ЛКСМ (бывший секретарь...) исключил меня из рядов комсомола, даже без обсуждения рядовыми комсомольскими организациями, приписав мне связь с троцкистами”. Через полтора года, в январе 1938 г. тот же орган восстановил О.Л. Белинскую в комсомоле, сняв, по ее словам, “гнусное и ложное обвинение” [9].

Всех выпускников 1941 г., прежде чем призвать на фронт, отправляют на лагерные сборы. Приказ № 73 по Кустанайскому педучилищу от 30 июня 1941 г. извещал: “§ 1. На основании приказа по Кустанайскому облОНО № 404 от 28/VI-41 г. приказываю: Организовать лаг. сбор студентов, подлежащих выпуску в 1940-41 гг. с 29/VI-41 г. по 9/VII-41 г. § 2”. Руководящий состав русского педучилища переводился на военный режим работы. Война изменила все планы, решалась судьба страны, и коллектив русского педучилища выполнял свой долг. Студенты теперь усиленно изучают немецкий язык, пишут диктанты, все это потребуется на фронтах войны.

В заключение следует отметить, что ряд преподавателей Кустанайского русского педучилища имели дипломы ведущих российских вузов, как

советских, так и дореволюционных. Такое архивное дело как “Личные дела учителей г. Кустаная” позволяют современным исследователям проанализировать основные жизненные вехи советской интеллигенции [4].

Так, все три директора русского педучилища в довоенный период закончили педагогические институты в Москве и Ленинграде. В графе “какое образование” И.И. Московкин указал – “Московский пединститут” (где обучался с сентября 1906 г. по январь 1910 г.), а затем просто и гордо – “МГУ” (октябрь 1931 г. – март 1933 г.), с отдельной графой “название факультета – математика”. Став директором, О.Л. Белинская, преподававшая русский язык и литературу, указала “Московский пединститут”, а И.П. Лосевской указал “Ленинградский пединститут”.

Кроме того, еще четверо преподавателей окончили Ленинградский государственный педагогический институт (ЛГПИ) им. А.И. Герцена (в анкетах его называли просто – “Пединститут им. Герцена”). В этом вузе в разное время получили дипломы В.С. Пластикова, преподававшая историю и обществознание, И.Е. Логашкин, ведший химию и биологию, В.П. Коптелова, отметившая свой предмет как “педаг. пед. практика”, И.В. Пономарев, преподававший историю. Один из первых историков в Кустанае С.Г. Громов, указал свой вуз как “Лен. Прав. Ин.”, предшественника Ленинградского юридического института.

Такая высокая кадровая обеспеченность была связана не только с четким распределением выпускников (их было большинство), но и высылкой в Кустанай из Москвы и Ленинграда научной интеллигенции. Спустя многие годы бывший студент Иван Дьячков вспоминает: “Среди преподавателей выделялся ссыльный ученый-педагог Алексей Федорович Бунегин. Он вел у нас педагогику и психологию. Великолепно знал современную литературу, чем заразил и нас” [8, с. 23].

В училище так же преподавала немецкий язык Кубилнос Эрика Эдуардовна, увольнения которой как жены административно-высланного с 1937 по 1941 гг. требовала в Кустанае не одна комиссия в русском, казахском педучилищах, а затем и в учительском институте. Грамотные специалисты (а таковых в Кустанае было недостаточно) были востребованы. Директор педучилища ежегодно оформлял на работу людей, которые по своему статусу числились как ссыльные (“административно-высланные” немцы, корейцы, поляки), стоявшие на учете в НКВД.

Говоря о советской системе подготовки учительских кадров накануне и в годы Великой Оте-

чественной войны, затруднительно давать однозначные оценки. Но главное это то, что стандарты, заданные в СССР в самые трудные годы, были на довольно высоком уровне. Скептики возражают, что советской системе образования была присуща “чрезмерная идеологизация”. Это, в частности, выражалось как в засилье коммунистических догматов, особенно в части гуманитарных дисциплин, так и в чрезвычайно разбухших учебных программах, когда будущим учителям (в том числе в русском и казахском педучилищах, учительском институте города Кустаная Казахской ССР) приходилось штудировать “Ленинизм”, “Историю народов СССР и Конституции СССР”. Вместе с тем, именно принципы интернационализма, провозглашенные в качестве основы советского общежития, которые были незыблемыми и не подлежали обсуждению (соответствующая графа – “национальность” – была тогда обязательной в документах наряду с графой “партийность”), стали основополагающим фактором победы советского народа в годы Великой Отечественной войны. Только сочетание потенциала промышленного производства с людскими ресурсами (грамотными, твердыми в своих убеждениях воинами и тружениками тыла) могло обеспечить сокрушительную победу над врагом.

Литература

1. *Нурсеитов Б.Н.* Кустанайский учительский институт (1939–1955 гг.) / Б.Н. Нурсеитов // КГУ. История и современность. Костанай, 2010.
2. *Самаркин С.В.* Кустанай – губернский центр / С.В. Самаркин // Кустанай-Костанай: очерки истории. С древнейших времен до 1936 г. Костанай, 2012.
3. Государственный архив Костанайской области. Ф. 250. Оп. 1. Д. 10.
4. Государственный архив Костанайской области. Ф. 250. Оп. 1. Д. 48.
5. Государственный архив Костанайской области. Ф. 268. Оп. 1. Д. 41.
6. Государственный архив Костанайской области. Ф. 250. Оп. 1. Д. 112.
7. Из истории города Кустаная. К 130-летию // Сборник документов и материалов / под ред. С.А. Медведева. Костанай, 2009.
8. *Легкий Д.М.* Кустанайский государственный учительский институт в годы войны / Д.М. Легкий. Костанай, 2010.
9. Архив Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова. Ф. 1. Оп. 1-Л. Д. 32.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. АТТЕСТАТ КОВАЛЬСКОГО ПЕТРА АФАНАСЬЕВИЧА, ВЫПУСКНИКА КУСТАНАЙСКОГО РУССКОГО ПЕДУЧИЛИЩА, 1938 Г. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ

